

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1-го марта. По поводу нѣмецкихъ фамилій, помѣщенныхъ въ списокѣ на стр. 397 и 398 нашихъ замѣтокъ въ майской кн. „Русской Старины“, я слышалъ отъ одного высокопоставленнаго лица такое слово: „если Вы считаете этихъ нѣмцами, то кого же сочтете за русскихъ. Ужъ очень трудно установить тогда значеніе слова русскій“. При этихъ словахъ мнѣ невольно пришла на память просьба А. П. Ермолова произвести его въ нѣмцы. Думается, что теперь въ нашихъ, служилыхъ, высшихъ назначеніяхъ было бы лучше избѣгать Вильгельмовичей и сыновей Варшавскихъ пасторовъ, будь они хоть православные.

Въ дѣйствующей арміи въ большомъ ходу слово православные съ особымъ его значеніемъ. [Вотъ какъ въ одной изъ корреспонденцій ²⁾ объясняется происхожденіе этого слова:

„Насъ смѣнили въ окопахъ „православные“.

Но вы не знаете, навѣрное, что такое здѣсь „православные“? Названіе это произошло такимъ образомъ.

Когда мы еще были на австрійскомъ фронтѣ, то кто-то изъ нашихъ офицеровъ при встрѣчѣ съ однимъ армейскимъ полкомъ спросилъ:

— Вы, братцы, какіе будете?

— Мы-то? Православные!..

И вотъ идетъ такой православный въ бой. Картузь у него облѣзлый, самъ православный—бородатый, маленькій; за спиной

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ май 1915 г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 1 марта с. г.

у него не то ранецъ, не то котомка; сапоги огромные... Нужно замѣтить, что въ походѣ всякій нашъ солдатъ (большею частью изъ запаса, конечно) обращается въ такого православнаго. „Дѣйствительный“, т.-е. состоящій на дѣйствительной службѣ, тотъ имѣетъ и выправку, и подтянуть.

Вотъ и воюетъ себѣ православный съ недругами. Напримеръ, подѣ Л. нашему полку была дана боевая задача взять непріятельскую позицію, очень сильно укрѣпленную и расположенную на другомъ берегу небольшой рѣчки. Только-что полкъ началъ развертываться въ боевой порядокъ, какъ вдругъ откуда-то сбоку, изъ-за лѣса, выкатываются православные—какой-то второочередный полкъ.

— Вы—куда?

— А позицію брать!..

И пошли, и пошли... Безъ артиллерійской подготовки, почти безъ стрѣльбы поперли на позицію.

— Мы больше на штыкъ.

Дошли до позиціи, а передъ непріятельскими окопами—рѣчка. Пошли въ бродъ (дѣло было въ октябрѣ!), кто переходитъ, кто переплываетъ, но до окоповъ дошли и—„ура“!

Но тутъ ихъ встрѣтили такимъ огнемъ, что православные поворотили назадъ. Дошли до старыхъ своихъ позицій, обсушились, пособрались и снова въ атаку. Снова ихъ отбили, и, наконецъ, въ третій разъ командиръ ихъ полка, самъ такой же православный, повелъ ихъ въ атаку. Взяли позицію и стали варить себѣ картошку“.

Теперь выясняется, почему для своего набѣга и высадки турки выбрали у насъ на югѣ Аккерманскій уѣздъ, который заселенъ нѣмцами-колонистами, имѣющими громадныя избирательныя права; въ списокѣ лицъ, имѣющихъ право присутствовать во второмъ избирательномъ сѣздѣ, помещено 604 нѣмца и 346 русскихъ, а въ списокѣ лицъ, имѣющихъ право участвовать во второмъ избирательномъ собраніи, внесено 29 нѣмцевъ и 16 русскихъ. На сѣздѣ крестьянъ Аккерманскаго уѣзда явились 13 нѣмцевъ, 10 русскихъ, 1 молдаванинъ и 3 болгаръ, а въ земскіе гласные избраны 4 нѣмца, 1 русскій, 1 молдаванинъ и 1 болгаринъ¹⁾. При такихъ условіяхъ совершенно понятно, что нѣмцы имѣли въ Аккерманскомъ уѣздѣ

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1 марта с. г.

громадное вліяніе и охотно давали послѣ высадки туркамъ кровъ и пищу, и тщательно ихъ скрывали отъ русскихъ пре-державшихъ властей.

2-ю марта. Государь Императоръ изволилъ прибыть пер-ваго марта въ Дѣйствующую Армію¹⁾.

Въ числѣ раненыхъ привезенъ въ Кіевъ донской казакъ подхорунжій Яковъ Хагинъ, имѣющій четыре Георгія и двѣ Георгіевскія медали, заслуженные въ нынѣшнюю войну. Ха-гинъ передаетъ, что во время одной развѣдки въ Восточной Пруссіи наткнулся на яму, въ которой оказалось двѣнадцать обгорѣлыхъ труповъ казаковъ. Какъ онъ узналъ потомъ, нѣм-цы, сваливъ связанныхъ казаковъ въ яму, обложили ихъ со-ломой и сожгли живыми. О звѣрствахъ нѣмцевъ особенно надъ казаками Хагинъ рассказываетъ очень много. Неодно-кратно ему приходилось видѣть трупы съ отрѣзанными носами, выколотыми глазами²⁾.

Рекомендуемъ вниманію читателей нижеслѣдующій инте-ресный приказъ командира 4-го австрійскаго корпуса.

„Интендантъ арміи считаетъ необходимымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе:

„Австрія и Германія отрѣзаны отъ подвоза изъ другихъ странъ и должны рассчитывать только на свои средства; каж-дый человекъ, особенно господа офицеры, должны проникнуться сознаниемъ необходимости крайней бережливости. Хотя наши запасы и неисчерпаемы, но серьезность положенія требуетъ, въ интересахъ высокой конечной цѣли, полнѣйшей бережливости какъ въ отношеніи боевыхъ припасовъ, такъ и продуктовъ, лошадей, повозокъ и вообще всего того, что относится къ сна-ряженію. Проявленіе расточительности, особенно среди граж-данскаго населенія, должно пресѣкаться. Всѣ начальники всѣми средствами должны воздѣйствовать на подчиненныхъ, дабы не было чрезмѣрныхъ требованій и войска не выходили изъ ука-занныхъ рамокъ“.

Приводя этотъ приказъ,—продолжаетъ командиръ корпуса,—я обращаюсь къ патріотическому чувству всѣхъ моихъ подчи-

1) „Рус. Инв.“ 2 марта с. г.

2) „Нов. Вр.“, 2 марта с. г.

ненныхъ и прошу ихъ по возможности ограничить свои потребности. Я ежедневно съѣдалъ четыре куска хлѣба,—отнынѣ буду ѣсть только два. До сихъ поръ выкуривалъ 40 папирозъ,—впредь буду расходовать только 20; вышивалъ ежедневно 2 стакана пива,—начиная съ сегодняшняго дня буду пить только одинъ и даже вовсе не буду пить. Чувства неудовлетворенности ни у кого не должно быть, такъ какъ иначе это будетъ измѣной отечеству. Я уже объявилъ, какія мѣры мною приняты въ отношеніи довольствія офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Я требую отъ всѣхъ крайней бережливости, требую, чтобы никто не смѣлъ выражать своего порицанія, и ни въ какомъ случаѣ не допущу, чтобы кто-нибудь дѣлалъ упрекъ интендантамъ: за ихъ дѣйствія отвѣчаю я“¹⁾.

3-ю марта. Г. Петровъ, въ одной изъ своихъ корреспонденцій²⁾, приводитъ слѣдующій, интересный, рассказъ одного германскаго офицера:

„Я—нѣмецъ изъ Россіи, и я воюю съ вами... Это, можетъ быть, возмущаетъ васъ? А что вы скажете, если я прибавлю, что мой братъ сражается въ вашей арміи, получилъ уже Георгія, былъ тяжело раненъ, выздоровѣлъ и снова дерется. Гдѣ—не знаю.

— Въ какомъ полку?—вырвалось у кого-то.

— Простите, не скажу я этого... Не важно. Важно, что мы добровольно выбрали каждый свою сторону. Вы простите меня, если я буду говорить несвязно. У васъ, въ Россіи, и у насъ, въ Германіи, сейчасъ пишутъ театральныя пьесы на военныя темы. Вотъ бы тема для большого писателя — драма нашей семьи. Нашъ родъ давно уже живетъ въ Россіи, но мы всѣ—нѣмцы. У насъ въ семьѣ нѣмецкій бытъ, дома нѣмецкій языкъ, въ душѣ нѣмецкіе навыки, пороки и добродѣтели. Но я, кончивъ среднее учебное заведеніе въ Германіи, высшую школу прошелъ у васъ, въ Россіи. И я люблю русскую природу, русскія привольныя рѣки, русскую рѣчь, русскую музыку и литературу. И вдругъ эта война между Россіей и Германіей! Не станемъ разбирать, кто виноватъ въ этомъ, кто вызвалъ войну...

— То-есть какъ кто?—вспыхнули наши.—Ясно...

— Не надо, не надо — просительно замахалъ руками нѣмецъ.—Я говорю не то. Говорю о себѣ. Представьте, въ семьѣ

¹⁾ „Рус. Сл.“ 2 марта с. г.

²⁾ „Русское Слово“ 3 марта сего года.

взрослыя дѣти, и вдругъ родители разводятся, а дѣти любятъ и отца, и мать. Какъ быть дѣтямъ? Ихъ дѣлятъ между родителями: однихъ—отцу, другихъ матери. Раздѣлить — раздѣлили, но душа-то осталась цѣлая: она любитъ и отца, и мать, а ей говорятъ:

— Или туда, или сюда! Люби одного и ненавидь другую, или наоборотъ.

— Вы, господа, русскіе, или мои товарищи по оружію, германцы — вы счастливы: вамъ такъ просто любить свою родину и ненавидѣть чужую страну. А для меня, для моихъ братьевъ въ Россіи гдѣ родина, гдѣ чужая земля? Видѣли вы когда-нибудь сросшіяся два дерева, два огурца, два гриба или двѣ сливы? Какъ вы отдѣлите ихъ, не попортивъ цѣлости? Такъ и моя душа: въ ней срослись и Германія, и Россія. И во всей нашей семьѣ такъ. Поэтому еще до войны мой старшій братъ служилъ въ русской арміи, а я отбывалъ повинность въ Германіи. Предвидѣлась война — отецъ снова подѣлил насъ. Меня послалъ сюда, братъ остался у васъ.

— Идите, умрите искупительною жертвою за грѣхи и безуміе насъ, стариковъ—благословилъ насъ отецъ.—И видите,—указалъ офицеръ-нѣмецъ на Желѣзный Крестъ на груди.—Мой братъ у васъ получилъ Георгія, я — это! А умремъ мы оба. Такъ порѣшили съ нимъ. Только бы злой случай не столкнулъ насъ на одномъ боевомъ участкѣ. Мы слѣдимъ другъ за другомъ черезъ отца. Отъ старика и къ нему идутъ краткія телеграммы.

— Бельгія. Галиція. Пруссія. Польша.

Я просилъ назначить меня и былъ все время на французской линіи. Теперь... меня съ моею частью кинули сюда... И мнѣ тяжело“.

Интересно было бы узнать, въ какой мѣстности Россіи ютится тотъ отецъ, который посылаетъ своего сына въ Германію воевать противъ Россіи.

По имѣющимся въ печати даннымъ, занесеннымъ въ наши замѣтки, таковой мѣстностью представляется нашъ Прибалтійскій край.

4 марта. Въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“ картинно описывается однимъ изъ участниковъ налетъ Черноморскаго флота на Зунгулдакъ:

„Все ближе и ближе подходитъ эскадра къ берегамъ, и среди матросовъ все чаще слышатся остроты на счетъ гаремовъ,

удирания „банабаковъ“ въ горы со своимъ скарбомъ и паническаго страха батарейной прислуги.

Сама природа создала здѣсь такія прикрытія, что никакимъ биноклемъ не увидишь пушекъ.

Вотъ, наконецъ, одному изъ броненосцевъ приказано открыть огонь. Вылетѣли изъ башенныхъ орудій огромные клубы желто-краснаго огня, раздался оглушительный шумъ залпа, загрохотали, застонали также несущіеся въ воздухѣ снаряды, вмигъ достигли своей цѣли и взорвались на пристани.

До кораблей донесся шумный ихъ взрывъ, и покатилося по горамъ много-голосое, мощное эхо, звучно отдаваясь по всѣмъ ущельямъ и свистя по разсѣлинамъ горъ.

Едва первые снаряды успѣли разорваться, какъ въ догонку имъ корабль послалъ цѣлый залпъ всего лѣваго борта, и всѣ звуки выстрѣловъ, разрыва снарядовъ и несмолкающаго эха слились въ одинъ непрерывный, адскій гулъ и ревъ...

Краснымъ пламенемъ запылала пристань, вспыхнули пожары и въ другихъ мѣстахъ, повалились высокія дымовыя трубы заводовъ, завіяли огромными, черными дырами портовыя сооруженія, и весь портъ застался густымъ дымомъ.

Вслѣдъ за первымъ покатались залпы и со всѣхъ остальныхъ кораблей флота и весь Зунгулдакъ окутался непроницаемымъ дымомъ и сплошнымъ моремъ огня.

Ничего нельзя было разобрать въ этомъ хаосѣ, лишь огромный огненный факелъ служилъ мишенью флоту.

Сбиты всѣ фабричныя трубы, разрушены до неузнаваемости пристань, молъ и элеваторъ.

Затоплены пароходы, укрывавшіеся за моломъ, и надо думать, что неуцѣлѣла и подъѣздная узкоколейная желѣзная дорога къ порту изъ угольныхъ копей.

Корабли окончили обстрѣлъ, немного отошли, и лишь неугомонные миноносцы продолжали „садить“ по избраннымъ мишенямъ.

Въ довершеніе всего имъ было приказано войти въ гавань. Надо же было заглянуть въ самый портъ, надо же полюбоваться финаломъ своихъ трудовъ, да и приблизиться къ батареямъ, чтобы хотя узнать, гдѣ онѣ?

Миноносцы пошли, непрерывно стрѣляя на пути своемъ.

Не вытерпѣли турки такого издѣвательства, и вдругъ въ горахъ то тамъ, то сямъ вспыхнули зловѣщіе огоньки и засыпали свою же бухту снарядами.

Моментально повернули юркіе „сорванцы“ и, быстро отвѣчая своими скорострѣльными орудіями, благополучно ушли всѣ цѣлыми и невредимыми изъ-подъ обстрѣла батарей.

Удивительно вѣрно ложились наши снаряды къ мѣстамъ батарей, и надо полагать, что отъ многихъ ихъ пушекъ осталось лишь легкое воспоминаніе и ровное мѣсто.

Эскадра стала уходить отъ береговъ.

А надъ Зунгулдакомъ все больше и больше разгорался костеръ и огненное пламя все росло и ширилось, пока перестало быть замѣтнымъ въ виду дальности, и лишь зарево говорило о колоссальномъ пожарѣ.

Долго стояла команда на палубахъ кораблей и любовалась величественною картиною.

Но не однимъ этимъ ограничился нынѣшній походъ.

Крейсера, бывшіе отъ эскадры поодаль, настигли шесть удиравшихъ пароходовъ и одну шхуну о трехъ мачтахъ, разстрѣляли ихъ всѣхъ въ щепки и вмѣсто Константинополя, куда, вѣроятно, они стремились съ углемъ, послали ихъ въ подводное царство. Тяжко застнетъ теперь вся Турція съ разгромомъ ея единственной угольной житницы“...

Парламентская комиссія во Франціи по пересмотру законопроектовъ одобрила законъ, внесенный Брианомъ и обязывающій подъ страхомъ тюремнаго заключенія или большого штрафа всѣхъ тѣхъ, кто является хранителемъ какихъ-либо принадлежащихъ германскимъ и австрійскимъ поданнымъ имуществовъ, заявлять о томъ въ судъ.

Какъ необходимо и у насъ, въ порядкѣ 87 статьи, немедленное введеніе подобнаго закона. Тогда немислимы были бы мгновенныя превращенія нѣмецкихъ предпріятій въ русскія и извѣстныя дѣянія любителей нѣмцевъ въ Московскомъ биржевомъ комитетѣ.

Въ одной изъ корреспонденцій ¹⁾ представляются знаменитые Августовскіе лѣса во время недавнихъ боевъ:

„Около станціи „Августовъ“, окруженной вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ затѣйливо расположилась цѣлая сѣть озеръ, перегороженныхъ плотинами и шлюзами, уже нѣсколько дней длится бой.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 4 марта с. г.

Въ этихъ ставшихъ уже историческими лѣсахъ, на деревьяхъ которыхъ еще не затянулись раны отъ пуль и снарядовъ октябрьскихъ боевъ, снова идетъ схватка.

Лѣсъ — какъ вымеръ: улетѣли птицы, разбѣжались звѣри, уступивъ мѣсто человѣку.

Угрюмый и сумрачный лѣсъ сталъ теперь еще страшнѣе, и много тяжелыхъ думъ хранить онъ.

Только одиноко, словно затерявшись въ лѣсу, стоитъ пустынная станція желѣзной дороги, вздрагивая при каждомъ залпѣ уцѣлѣвшими оконными стеклами.

Лѣсныя просѣки стали теперь тѣми гранями, которыя разделяютъ воюющія стороны.

Уходя въ глубь лѣса, въ самую чащу, тянутся отъ нихъ проволочныя загражденія, обвившія, какъ ліанами, вѣсковыя деревья.

Лѣсныя лужайки отгородились засѣками изъ поваленныхъ деревьевъ, опутанныхъ опять-таки колючей проволокой, и стѣнами, сложенными изъ мѣшковъ съ пескомъ“.

5 марта. Слышалъ, что у насъ существуетъ особенный нѣмцелюбъ, который усиленно ходатайствуетъ объ оставленіи нѣмцевъ въ Петроградѣ и о возвращеніи оныхъ сюда. Онъ очень всѣмъ надоѣлъ своими просьбами, но мало кто предполагаетъ, что сіе исходитъ отъ его ненормального состоянія.

Переживаемъ то изумительное время, когда въ нѣкоторыхъ изъ воюющихъ армій идетъ головокружительная смѣна военачальниковъ, и началась она во французской армій желѣзнымъ Жофромъ, какъ это уже указано было въ нашихъ замѣткахъ.

Причины смѣны разнообразны: одинъ недостаточно распорядителенъ, другой не достаточно храбръ, третій не исполняетъ указаній свыше, у четвертаго въ войскахъ много потерь, у пятаго берутъ много плѣнныхъ, шестой не укрѣпляетъ позицій, какъ свыше указано и пр. и пр. и пр. Нѣкоторые, какъ напр. кронпринцъ германскій, совершенно безотвѣтственны за свои идиотскія распоряженія, другіе, какъ Ауфенбергъ, изъ главнокомандующихъ попадаютъ въ тюрьму.

5 марта. Разсказываютъ, что въ настоящее время дешевымъ дезинфекціоннымъ средствомъ для перевязки ранъ служитъ десяти-процентный растворъ соли, который замѣчательно быстро заживляетъ рану. Соль вообще прекрасное дезинфекціонное средство, и недаромъ издревле всѣ продукты хорошо сохраняются въ соли.

Передъ сверженіемъ Венизелоса кайзеръ телеграфировалъ греческому королю, что Греція стоитъ надъ пропастью, и что одинъ только король можетъ ее спасти. Если Греція останется нейтральной, то Вильгельмъ предоставляетъ ей сѣверный Эпиръ, даетъ ей острова и 100 милліоновъ аванса.

Для противодѣйствія нѣмцамъ необходимо принять мѣры къ сношенію съ другими государствами и принять самыя энергичныя мѣры къ развитію собственной промышленности.

Государство и общественныя организаціи и лица должны участвовать въ этой борьбѣ.

Со стороны государства должны быть приняты слѣдующія мѣры: развитіе новыхъ рынковъ въ другихъ государствахъ, затѣмъ отмѣна патента, учрежденіе спеціальныхъ банковъ, развитіе технического образованія, борьба съ синдикатами, разумный пересмотръ таможенныхъ тарифовъ, запрещеніе ввоза товаровъ изъ Германіи и Австріи.

Со стороны общественныхъ организацій и лицъ, прежде всего, долженъ быть объявленъ бойкотъ всѣмъ нѣмецкимъ товарамъ; затѣмъ указывается на необходимость учрежденія новыхъ промышленныхъ предпріятій, развитіе существующихъ, устройства съѣздовъ, выставокъ, музеевъ, справочныхъ бюро, посредническихъ конторъ и торговыхъ палатъ.

6 марта. Союзная эскадра производила бомбардировку Дарданеллъ съ самыхъ близкихъ дистанцій и вошла въ самый проливъ. Бомбардировка была успѣшна, но на плавучихъ турецкихъ минахъ взорвались три союзныхъ броненосца.

Въ выѣздной сессіи рижскаго окружнаго суда слушалось дѣло землевладѣльца фонъ-Эссена, обвиняемаго въ утайкѣ лошадей при конной мобилизаціи.

Окружный судъ приговорилъ фонъ-Эссена къ штрафу въ 1.800 руб. или заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ ¹⁾.

Одной изъ полковыхъ дамъ получено открытое письмо отъ ея мужа, находящагося въ плѣну въ Германіи, въ которомъ описывалось благополучіе русскихъ плѣнныхъ. Въ концѣ письма значилась приписка о расшифровкѣ письма. Вотъ расшифровка письма.

— Слово не вѣрь изъ написаннаго чернымъ. Все—сплошная ложь. Мы голодаемъ, на прогулки не пускаютъ. Настроеніе ужасное. Двое офицеровъ покончили самоубійствомъ ²⁾.

¹⁾ „Русское Слово“ 6 марта сего года.

²⁾ Тамъ же.

Среди доставленныхъ въ Кіевъ плѣнныхъ офицеровъ оказался одинъ, котораго русскіе развѣдчики при задержаніи приняли за императора Вильгельма. Арестъ его произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Подъ Козювкой бѣженцы-крестьяне сообщили кавалерійскому развѣзду, что въ одной ближайшей хатѣ засѣдаетъ германскій императоръ Вильгельмъ и его штабъ. Такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ было мало германскихъ войскъ, то рѣшено было сдѣлать попытку захватить штабъ. Три сотни, разбившись на нѣсколько группъ, ночью бросились со всѣхъ сторонъ въ атаку. Германская конница обратилась въ бѣгство, при чемъ половина спаслась, а остальные, вступившіе въ перестрѣлку, погибли. Хата была окружена. Въ ней дѣйствительно оказалось нѣсколько старшихъ офицеровъ и одинъ младшій. Среди офицеровъ выдѣлялся пожилой офицеръ, чрезвычайно похожій по внѣшности на Вильгельма. По доставленіи плѣнныхъ въ русскую квартиру оказалось, что „человѣкъ съ усами“ подполковникъ. Сходство его съ Вильгельмомъ оказалось изумительнымъ. Выяснилось, что захваченные офицеры составляли какой-то германскій дивизионный штабъ. („Кіевск. Мысль“).

Отъ населенія Сопецкина и окрестныхъ деревень, сообщаетъ „Виленскій Вѣстникъ“, отбирались безъ разговоровъ подъ угрозой смерти отъ штыка и револьвера всѣ безъ исключенія съѣстные припасы. Даже корки хлѣба отнимались у малыхъ дѣтей. Коровы, свиньи, птицы зарѣзаны и съѣдены. На этотъ разъ о какихъ бы то ни было квитанціяхъ и распискахъ и разговора не было. Всѣ вещи, понравившіяся нѣмецкому солдату, забирались имъ безъ всякихъ разговоровъ. Пробовавшему протестовать обывателю выразительно приставлялся къ горлу штыкъ-ножъ. Изъ Сопецкинскаго монастыря, въ которомъ останавливался принцъ или кронпринцъ, вывезено въ фатерландъ все представлявшее мало-мальскую цѣнность. Церковь въ Сопецкинѣ разграблена и осквернена. Евангеліе разорвано; загаженные листы его валяются тутъ же въ церкви. Одинъ лютеранскій пасторъ серьезно угрожалъ бѣдному, на смерть перепуганному крестьянину револьверомъ якобы за то, что онъ шпіонъ. Судъ Божій покаралъ недостойнаго слугу алтаря: одинъ изъ снарядовъ нашей дальнобойной артиллеріи снесъ ему тутъ же полчерепа. Наши раненые, попавшіе въ плѣнъ нѣмцамъ въ Сопецкинѣ, семь дней лежали безъ перевязки, безъ ухода и пищи. Наши здоровые плѣнные

употреблялись тутъ же на самыя тяжелыя и грязныя работы. Съ нихъ нѣмцы сняли сапоги и теплую одежду, давъ взамѣнъ опорки и жалкіе лохмотья. Ихъ совершенно не кормили, всячески издѣвались надъ ними, держали ихъ въ хлѣвахъ и на открытомъ воздухѣ въ 15—20-градусные морозы. Нерѣдко ихъ запрягали вмѣсто лошадей въ обозныя повозки и заставляли ихъ везти, при громкомъ смѣхѣ конвоя. Мѣстные крестьяне, видѣвшіе эту картину, плакали.

Въ деревнѣ Колены въ Августовскомъ лѣсу нашъ офицеръ, не зная, что тамъ нѣмцы, зашелъ въ избу, не имѣя въ рукахъ оружія. Солдатъ нѣмецъ убилъ его тутъ же въ хатѣ выстрѣломъ изъ ружья. Трупъ раздѣли донага, а цѣнныя вещи разобрали по рукамъ. Послѣ этого безжизненное тѣло офицера съ глумленіемъ было вытащено за ноги изъ хаты, такъ что голова билась о полъ и пороги, и брошено на проѣзжей дорогѣ. Крестьяне просили офицера-нѣмца разрѣшить имъ похоронить тѣло. Тотъ долго ломался и наконецъ позволилъ зарыть „эту собаку“ тутъ же на самой дорогѣ. Крестьяне отказались отъ этого глумленія надъ прахомъ русскаго офицера и послѣ настойчивыхъ и усиленныхъ просьбъ добились разрѣшенія похоронить его близъ дороги. Въ одной деревнѣ согнали всѣхъ мужчинъ въ костель, гдѣ ихъ заперли, а женщинъ и дѣвушекъ изнасиловали.

6—9 марта. Во время боя близъ Новаго Мѣста нѣмцы поймали нѣсколькихъ раненыхъ казаковъ, защищавшихся до полного упадка силъ. Раненные мокли подъ дождемъ въ лужѣ въ ожиданіи помощи. Одинъ изъ нихъ, тяжело раненый въ грудь, лежалъ почти въ безсознательномъ состояніи. Подошли нѣмцы, схватили несчастнаго и переломали ему руки и ноги. Но этого имъ показалось мало, и они выбили ему оба глаза. Двухъ другихъ казаковъ, раненыхъ шрапнелью въ ноги, нѣмцы распяли на деревьяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней тѣла убитыхъ оставались неубранными, являясь свидѣтельствомъ чудовищной жесткости врага. („Варшавская Мысль“).

Въ „Литовской Руси“ напечатано:

Проходимъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были вчера нѣмцы: трудно себѣ представить, что они здѣсь надѣлали. Жителей всѣхъ по-забирали, вели ихъ и по дорогѣ страшно били. Били маленькихъ двухлѣтнихъ дѣтей, заставляли ихъ идти пѣшкомъ, а кто

не могъ—били прикладами; матерямъ же связывали руки назадъ и затыкали рты платками. Дѣвушекъ 14—16 лѣтъ насилывали. Идемъ, а по дорогѣ трупы жителей, хоронимъ ихъ десятками...

Въ Одесскомъ и Ананьевскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи существуетъ такое нѣмецкое засилье, что русскіе выборщики въ Государственную Думу никакъ не могутъ пройти, и нѣмцы являются оттуда представителями Россіи въ Государственной Думѣ.

Изъ Астрахани пишутъ ¹⁾, что цѣна на икру красной рыбы, прочно державшаяся все послѣднее время не ниже 150—160 рублей за пудъ, совершенно неожиданно сразу понизилась до 110—115 рублей. На биржѣ упорно говорятъ, что это пониженіе вызвано полученными изъ Петрограда сообщеніями о задержаніи въ пути въ Швецію двухъ вагоновъ съ астраханской икрой, предназначавшихся, повидимому, для Германіи. Задержанная икра принадлежитъ крупной мѣстной фирмѣ, давно специализировавшейся на экспортѣ икры въ Германію.

Сообщаютъ, что ²⁾ въ г. Гдовѣ пасторъ нѣмецъ Іоаннъ-Гаубольдъ, причащая эстонцевъ, отправляющихся на войну, утѣшалъ и ободрялъ ихъ такимъ образомъ:

„Братья, вы здѣсь предъ алтаремъ Всевышняго стоите въ послѣдній разъ. Въ послѣдній разъ прощаетесь вы со своими родными и со страной, которой вы больше, никогда не увидите. Вамъ больше не вернуться“.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 7 марта г. Агафоновъ приводитъ письмо отъ 18 февраля своего родственника, командующаго артиллерійской бригадой:

„Вчера у меня въ 3-й батареѣ было замѣчательное явленіе. Нѣмецкій снарядъ попалъ въ офицерскій окопъ, въ которомъ въ тотъ моментъ сидѣли два офицера. Для всѣхъ на батареѣ казалось, что катастрофа неизбежна. Каково же было удивленіе и радость батареи, когда офицеры оказались невредимыми.“

¹⁾ „Нов. Вр.“ 9 марта.

²⁾ „Нов. Вр.“ 8 марта.

Вслѣдъ за симъ на днѣ окопа увидѣли небольшую фигуру благословляющаго Спасителя, сдѣланную изъ металла. Очевидно, попавшій снарядъ выкопалъ эту фигуру изъ земли, гдѣ она, вѣроятно, была зарыта и пролежала бы, быть можетъ, многіе годы. Невредимыми остались офицеры потому, что снарядъ, ранѣе чѣмъ ударить въ окопъ, попалъ въ камень и истратилъ большую часть своей разрушительной силы на этотъ камень и только незначительную на разрушеніе окопа. Но что всего удивительнѣе, что найденную фигуру Спасителя не выкопали, когда копали окопы.

Разумѣется, это явленіе произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ насъ и особенно на 3-ю батарею, которой до этого больше всего досталось отъ врага.

Когда батарею смѣнятъ, отслужимъ молебень и помолимся“...

Съ перваго включительно по 9 марта замѣтки о военныхъ дѣйствіяхъ сводятся къ слѣдующему: наши войска заняли Мемель, попытки нѣмцевъ продвинуться между Нѣманомъ и Вислой отражены, въ при-Наревскомъ и въ районѣ праваго берега Бобра были удачныя бои у Прасныша, Еднорожца, у Серафина, и по р. Оржицѣ и Шквѣ.

На Карпатахъ шли бои съ успѣхомъ у Козювки, Рожанки, Смольника и Свидника съ захватомъ нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ.

Седьмого была неудачная вылазка изъ Перемышля, при чемъ взято 3.954 ниж. чиновъ и 107 офицеровъ, а 9 марта Перемышль сдался нашимъ войскамъ. Повсюду было большое ликованіе.

Самымъ энергичнымъ средствомъ для борьбы съ паразитами является окуриваніе одежды сѣрнистымъ газомъ (2 фун. сѣры на 1 куб. саж.) въ обложенномъ и закрытомъ кирпичномъ помещеніи и затѣмъ въ поколачиваніи и вытряхиваніи одежды.

10—14 марта. 11 марта Государь Императоръ возвратился въ Царское Село ¹⁾.

¹⁾ „Рус. Инв.“ 12 марта.

За это время наше наступленіе у средняго Нѣмана было встрѣчено сильными контръ-атаками усилившагося противника. Въ при-Наревскомъ и на правомъ берегу Бобра происходили бои по р. Оржицѣ, Шквѣ и у Ваха.

На Карпатахъ происходили успѣшныя для насъ бои у Смольника, Ужока, Бартфельда, Дуклы, и занята у Лупкова важнѣйшая позиція австрійцевъ на главномъ Бескидскомъ хребтѣ. За эти 5 дней взято до 14 тыс. плѣнныхъ.

Въ Перемышлѣ сдались въ плѣнъ 9 генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2.500 оберъ-офицеровъ и 117.000 нижнихъ чиновъ.

Приводя въ нашихъ замѣткахъ громадныя цифры сдавшихся въ плѣнъ австрійцевъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ и то, что мы лично слышали отъ пріѣхавшихъ оттуда, а также, что пришлось читать въ корреспонденціяхъ изъ Перемышля. Комендантъ крѣпости, генералъ Кусманекъ, передъ сдачей, взорвалъ всѣ форты Перемышля и приложилъ особенныя усилія къ варыву фортовъ съ сѣверной и западной стороны, при чемъ по свидѣтельству очевидцевъ взрывы отличались такой силой, что „наши вагоны чуть не приходили въ движеніе“. Крѣпостныя орудія или совсѣмъ попорчены, или у нихъ вынуты и зарыты гдѣ-то замки. Такъ, что, въ настоящее время, въ инженерномъ и артиллерійскомъ отношеніи крѣпость Перемышль представляется весьма и весьма незначительной боевой величиной. Особое стараніе коменданта разрушить форты сѣверной и западной стороны невольно наводитъ на мысль сходнаго замысла Кусманека относительно будущихъ предпріятій нѣмцевъ.

Говорятъ, что причиной сдачи крѣпости было несоотвѣтствіе продовольственныхъ запасовъ гарнизона съ числомъ находящихся въ Перемышлѣ ртовъ. Чудныя, венгерскія лошади, которыя сохранились въ Перемышлѣ, передъ сдачей были безжалостно зарѣзаны подлыми австрійцами, дабы не отдавались русскимъ.

Разсказываютъ, что вожди австрійцевъ, ренегаты славянъ, Кусманекъ и Боеровичъ, отличаются особымъ звѣрствомъ.

Рекомендуемъ вниманію предержавшихъ маниловыхъ, а также нашихъ нѣмцелюбовъ разсказъ нашего плѣннаго въ Германіи, присланный въ редакцію „Литовской Руси“.

„Насъ, плѣнныхъ, погнали въ Германію пѣшкомъ и гнали двѣ недѣли, при чемъ на отдыхъ давали очень мало времени. Когда насъ пригнали въ назначенное мѣсто, то отвели для насъ помѣщеніе въ темномъ сараѣ. Соломы для постели не было. Одежды теплой не дали. Было холодно. Пищу горячую получили по прибытіи въ назначенное мѣсто на третій день. Пища невкусная, мясо очень отвратительное. Впрочемъ, и этой пищи вдоволь не даютъ. Оправиться отъ болѣзни не дали, сразу стали гонять на работу. Гоняютъ на работу всѣхъ плѣнныхъ. Выгоняютъ на работу въ 4 часа утра и заставляютъ работать безъ отдыха до 9 час. вечера, т. е. 17 часовъ въ день. Работа самая тяжелая, невыносимая, тѣмъ болѣе для человѣка слабаго и голоднаго, какъ я. Мы днемъ и ночью находимся подъ сильной охраной. Истощены отъ голода и замучены непосильной работой. Насъ оскорбляютъ словомъ и дѣйствіемъ постоянно и мы лишены возможности отвѣтить на эти оскорбленія. За малѣйшее ослушаніе, за малѣйшую грубость насъ подвергаютъ мученіямъ, которыя вызываютъ много преждевременныхъ смертей среди русскихъ плѣнныхъ“.

Въ это самое время въ г. Вологдѣ военноплѣнные ведутъ себя такъ нахально, что, по постановленію властей, за оскорбительныя выраженія по адресу русскихъ и другіе хулиганскіе поступки заключаются въ тюрьму (Блейеръ, Бруно, Кекштатъ, Шульцъ и др.).

Неужели нашу нѣмецкую громаду дармоѣдовъ не привлекутъ къ соотвѣтствующимъ работамъ. Надо создать изъ немогущихъ нести строевую службу раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ воинскую организацію для упорядоченія труда военноплѣнныхъ и поручить плѣннымъ исполнять государственныя работы, постройку желѣзныхъ дорогъ, рытье каналовъ и др.

Въ дневникѣ убитаго 24 февраля 8-го прусскаго полка лейтенанта Зехершросса значилась слѣдующая записъ¹⁾.

„Мы принадлежимъ къ группѣ барона фонъ-Маршала...

Мы здѣсь единственные нѣмцы...

Австрійцы опять потянулись назадъ...

¹⁾ „Нов. Вр.“, 11 и 12 марта с. г.

Русская искровая телеграмма перехвачена о томъ, что кавалерійскому корпусу приказано прорваться къ намъ въ тылъ...

Какой несчастный сегодня день. Насъ подняли въ 6 час. утра. Двинулись къ д. Е. 12-я кавалерійская бригада была уже передъ нами и заняла выходъ изъ нея. 8-му драгунскому полку изъ 14-й кавалерійской бригады было приказано занять высоты и выходъ изъ села Олеша. Какъ только мы спустились въ село, русскія шрапнели стали рваться надъ головами, вырывая цѣлые ряды. Мы слѣзли. Къ сожалѣнію, 4-й эскадронъ стоялъ открыто. Трубачъ-ротмистръ былъ сильно раненъ и умеръ на слѣдующій день. У принца Ратибора оторвало всю голову. Тяжелая потеря для всѣхъ насъ, въ особенности для нашего эскадрона. Отъ такого несчастнаго начала получаешь сразу пресыщеніе“...

У нашихъ союзниковъ на западѣ отличаются два знаменитыхъ летчика англичанинъ Самсонъ и французъ подпоручикъ Моро, прозванный сбивателемъ германскихъ таубе. Моро въ теченіе войны уничтожилъ 20 таубе, получилъ Почетнаго Легіона и оказалъ незамѣнимыя заслуги французской арміи. У него на аэропланѣ помѣщена скорострѣльная пушка, съ которой онъ посылается на самыя опасныя развѣдки и дѣла.

Въ настоящее время настойчиво выдвигается вопросъ о будущемъ положеніи Святой Земли. Какъ разъ теперь найденъ въ землѣ, въ окрестностяхъ замка Голенкура, громадный мечъ съ надписью: „Godfroy de Boillion, roi de Jerysalem 1096“. Эта находка какъ бы предъуказываетъ рѣшеніе вопроса о Святой Землѣ.

Краснокрестныя учрежденія работаютъ въ арміи не покладая рукъ: ихъ лазареты и передовые отряды выдвигаются вблизи позицій, зачастую въ сферу огня. Раненые шлютъ краснокрестныхъ работникамъ самую сердечную благодарность.

— Словно родные, — говорили раненые — устали на нихъ нѣтъ. Еле на ногахъ держатся, а все за нами ходятъ, что няньки за дѣтьми.

Врядъ ли въ германской, австрійской или въ союзныхъ арміяхъ можетъ встрѣтиться такая сценка ¹⁾.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 13 марта сего года.

можетъ сдѣлать артистка, одаренная даромъ Божиимъ, необычайной энергіей и необычайной любовью къ Россіи. Это сдѣлала Марія Ивановна Долина (Горленко).

Кайзеръ лезетъ съ одного фронта на другой, произноситъ патетическія рѣчи, тевтонскія полчища перевозятся съ одного театра войны на другой, изрыгаются массы артиллерійскаго огня, а тѣмъ временемъ Германія уже начинаетъ выдвигать воиновъ уже совершенно иного типа нежели въ началѣ войны.

Г. Вл. Бѣлгородскій картинно описываетъ такого рода вояку кроваваго кайзера ¹⁾:

„Я только-что видѣлъ, какъ вашъ раненый далъ моему солдату денегъ. Ради Бога, будьте и вы человѣчны, дайте возможность хоть немного обогрѣться, — обратился просительно небольшого роста старичокъ въ формѣ германскаго офицера къ „краснокрестовцу“, бесѣдовавшему съ плѣнными.

Старичка ввели въ залъ второго класса и предложили горячаго чаю.

Одѣтъ престарѣлый плѣнный съ иголки: въ новомъ пальто, новыхъ сапогахъ, новыхъ перчаткахъ, новой каскѣ, — какъ будто онъ только-что вышелъ изъ магазина готоваго военнаго платья, а не доставленъ сюда съ поля битвы.

Замѣтно было, что старикъ не привыкъ еще къ одеждѣ и чувствуетъ себя неловко.

Войдя въ буфетъ, онъ снялъ съ себя каску и обнажилъ бѣлую какъ лунь голову, коротко остриженную подъ гребенку.

Трясущимися и посинѣвшими отъ холода руками онъ взялъ стаканъ и, обжигаясь, началъ жадно пить горячій чай.

Отодвинувъ выпитый стаканъ, старичокъ, ни къ кому не обращаясь, какъ-будто разговаривая самъ съ собою, заговорилъ быстро-быстро:

— Странно говорить о культурѣ, культурности въ наше время, когда кругомъ льется столько крови, когда человѣкъ для человѣка сталъ хуже волка. Но есть что-то вѣчное, чего не залить кровью. Это вѣчное стираетъ границу между враждующими сторонами и снова дѣлаетъ ихъ людьми. Нельзя дѣлать добра или зла во имя этого вѣчнаго, — оно самодовлѣюще и само по себѣ въ человѣкѣ. Вашъ раненый, искалѣченный нашими

¹⁾ „Рус. Слово“ 14 марта с. г.

снарядами, яркій носитель этого вѣчнаго, отличающаго его отъ дикихъ звѣрей. Это свѣточъ, который освѣщаетъ и будетъ освѣщать жизнь людей.

Я откровенно скажу о самомъ себѣ, о томъ, что я думаю, и о своемъ положеніи, которое съ военной точки зрѣнія считается позорнымъ.

Мнѣ уже умирать пора, а меня взяли на войну. Какой же я воинъ? Лѣтъ сорокъ назадъ я, дѣйствительно, былъ лихимъ офицеромъ, и мой батальонъ былъ на хорошемъ счету. Тогда я могъ пойти воевать, а теперь я просто убогій старикъ, которому минуло уже семьдесятъ шесть лѣтъ. Въ богадѣльню мнѣ, а не на войну.

Такой плѣнный, какъ я,—поворъ для Германіи, лишній показатель, что ея силы истощены.

Доживалъ я спокойно со своей старушкой свой вѣкъ, и вдругъ пришли и взяли. Одѣли на меня воинскіе доспѣхи, дали оружіе. Зачѣмъ мнѣ сабля, зачѣмъ мнѣ револьверъ? Только лишняя тяжесть! Развѣ моя старческая рука можетъ владѣть ими?

Какой же я батальонный командиръ? Кѣмъ я могу командовать, что я могу приказывать, если для меня самого война хуже смерти?

— „Ведите въ атаку вашъ батальонъ!“ Кто же пойдетъ за мной, когда всѣ видятъ мою старческую немощь?

Взяли на войну! И что же? Вчера я пришелъ на позиціи, а сегодня сдался вмѣстѣ со своимъ батальономъ, составленнымъ почти изъ такихъ же инвалидовъ.

Старческій голосъ дрожалъ и прерывался. Чувствовалось, что онъ преувеличиваетъ свою слабость и сознательно выставляетъ на позоръ свою сдачу въ плѣнъ, чтобы заглушить горечь и обиду, что его, стоящаго на краю могилы, отдали на позорище, толкнули въ бушующій водоворотъ, изъ котораго онъ не можетъ выбраться,—нехватаетъ его старческихъ силъ.

— Я знаю,—мнѣ не перенести вашего климата, вашихъ морозовъ, не вернуться къ себѣ, и на русской землѣ меня ждетъ могила.

Голосъ его совсѣмъ осѣкся, захрипѣлъ, и по старческому морщинистому лицу потекли густыя слезы. Онъ не скрывалъ ихъ. Ему даже какъ-будто было пріятно, что онъ, батальонный командиръ, плачетъ передъ врагами.

— Мнѣ не жалко себя. Я все перенесу, все перестрадаю. У меня хватить мужества умереть одинокимъ на чужбинѣ. Сердце мое терзается, когда я вспоминаю, что дома осталась

моя жена, съ которой мы прожили вмѣстѣ пятьдесятъ лѣтъ, никогда не разлучаясь.

У меня былъ сынъ, — его убили подъ Варшавой. Теперь старуха одна со своимъ громаднымъ горемъ.

Скажите—за что? Кому нужны наши страданія? Развѣ они чему-нибудь помогутъ? Я знаю, что каждый долженъ встать на защиту родины: это—священный долгъ! Но мои старческія руки, моя кровь не могутъ принести пользы.

Я глубоко убѣжденъ,—наблюдалъ жизнь, у меня есть жизненный опытъ,—что счастье моей родины въ томъ, чтобы скорѣе кончить войну.

О, дальше...

Онъ не договорилъ фразы и снова заговорилъ о себѣ.

— Я старъ, мнѣ семьдесятъ шесть лѣтъ,—повторилъ онъ, сильно подчеркивая свои лѣта. — Когда меня взяли въ плѣнъ и повели сюда,—эти двадцать верстъ я не шелъ, а ползъ, отъ мороза у меня совсѣмъ заоченѣли руки и ноги. Я просилъ Бога только объ одномъ—скорѣе бы умереть, чтобы не чувствовать этихъ страданій“.

15 марта. Отцы Петрограда ровно ничего не дѣлаютъ для пониженія чудовищныхъ цѣнъ на припасы, для проведенія въ жизнь таксы, для учрежденія конкуренціи петроградскимъ торговцамъ-грабителямъ. Они обнаруживаютъ полное непротивленіе злу и даютъ полную возможность грабителямъ противиться администраціи.

Такое поведеніе отцовъ Петрограда, при обстановкѣ военнаго времени, составитъ одну изъ позорныхъ страницъ Петроградскаго самоуправленія.

Все это происходитъ въ то время, когда предержанія военныя и гражданскія власти всѣми силами борются съ торговыми грабителями. Въ то самое время, когда Главный начальникъ Петроградскаго военнаго округа высылаетъ изъ Петрограда дровяника Ф. И. Головкина¹⁾ за то, что онъ, имѣя большіе дровяные запасы, отказался продавать дрова, по указаннымъ цѣнамъ, а его сына И. Ф. Головкина заключаетъ на мѣсяць въ тюрьму за помощь отцу по сокрытію дровъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 15 марта сего года.

Передаютъ, что въ Гамбургѣ находится центральный пунктъ германскаго шпіонажа и контръ-шпіонажа. Специалистомъ русскаго отдѣла является полковникъ генеральнаго штаба, прожившій 6 лѣтъ въ Россіи и прослужившій 4 года въ одномъ изъ большихъ петроградскихъ банковъ.

Нѣмецъ-азіатъ, фельдмаршалъ фонъ-деръ Гольцъ прибылъ въ Бухарестъ, въ особой аудіенціи былъ принятъ королемъ, посѣтилъ румынскаго премьера Братіано, а затѣмъ выѣхалъ въ Берлинъ.

Турко-нѣмецкій полководецъ совѣщался съ румынскимъ королемъ и главой румынскаго правительства. Вотъ какъ Румыніа соблюдаетъ строжайшій нейтралитетъ.

Изъ Лондона получена телеграмма о томъ, что „Совѣтъ королевскаго географическаго общества исключилъ Свенъ-Гедина изъ списка своихъ почетныхъ членовъ за сочувствіе врагамъ короля“. Въ настоящее время членомъ нашей Академіи наукъ состоитъ германецъ Освальдъ, который дышитъ сатанинской злобой противъ Россіи и шлетъ по всей Европѣ воззванія бойкота русскимъ ученымъ учрежденіямъ. Развѣ нашъ академикъ Освальдъ не является врагомъ Русскаго Императора и русскаго народа? Почему же онъ по сіе время состоитъ членомъ нашей Императорской Академіи наукъ?

16 марта. Вчера, 15 марта, произошло событіе громадной исторической важности. Нашъ черноморскій флотъ бомбардировалъ укрѣпленія Босфора.

Бушевавшій жестокой, снѣжный штормъ, передъ весеннимъ равноденствіемъ, препятствовалъ осуществленію этого предпріятія; но этотъ громаднаго напряженія штормъ не могъ воспрепятствовать нашему флоту крейсировать передъ Босфоромъ.

Вотъ какъ приводится описаніе этого крейсированія ¹⁾.

„Жестокой снѣжный штормъ...

Вообще, съ Чернымъ моремъ за послѣднее время Богъ знаетъ что сдѣлалось. Это совсѣмъ не голубое южное море, не „гостепріимное“, не Понтъ Эвксинскій,—какъ когда-то не совсѣмъ удачно его назвали древніе греки.

¹⁾ И. Маринъ. „Русск. Сл.“, 14 марта с. г.

Просто—Ледовитый океанъ...

Русскій флотъ штормуетъ уже нѣсколько сутокъ. Штормуетъ не гдѣ-нибудь, а около... Босфора, у завѣтныхъ воротъ къ свободному морю, къ свободной торговлѣ Россіи, совсѣмъ близко, въ нѣсколькихъ часахъ ходу отъ заповѣднаго Царьграда.

Это обстоятельство еще какъ-то плохо представляешь себѣ, не вѣрится,—море вездѣ одинаково въ данный моментъ.

И здѣсь оно шумить, бунтуетъ, какъ злобный звѣрь въ клѣткѣ.

Но ошибки быть не можетъ. Старшій штурманскій офицеръ уже отмѣтилъ на картѣ по сосѣдству съ Босфоромъ то мѣсто, гдѣ идутъ сейчасъ русскіе корабли...

Утро. На горизонтѣ какой-то берегъ,—вѣрнѣе, неопредѣленная полоска „защитнаго цвѣта“.

Впереди видны два дымка. Далекое они отъ эскадры.

Два паровыхъ судна,—какія, опредѣлить невозможно,—изъ всѣхъ силъ удираютъ прочь, замѣтивъ, очевидно, присутствіе русскаго флота.

Гнаться за ними при данныхъ условіяхъ совершенно бесполезно.

Кто-то высказалъ предположеніе, что это—турецкіе дозорные миноносцы. Но съ такимъ же правомъ можно предположить, что это—просто коммерческіе пароходы или даже „Гебенъ“ съ „Бреслау“,—вообще, въ зависимости отъ фантазіи, ибо, кромѣ облачковъ дыма, ничего не видно...

— Гдѣ же Босфоръ?

— Да вотъ налѣво...

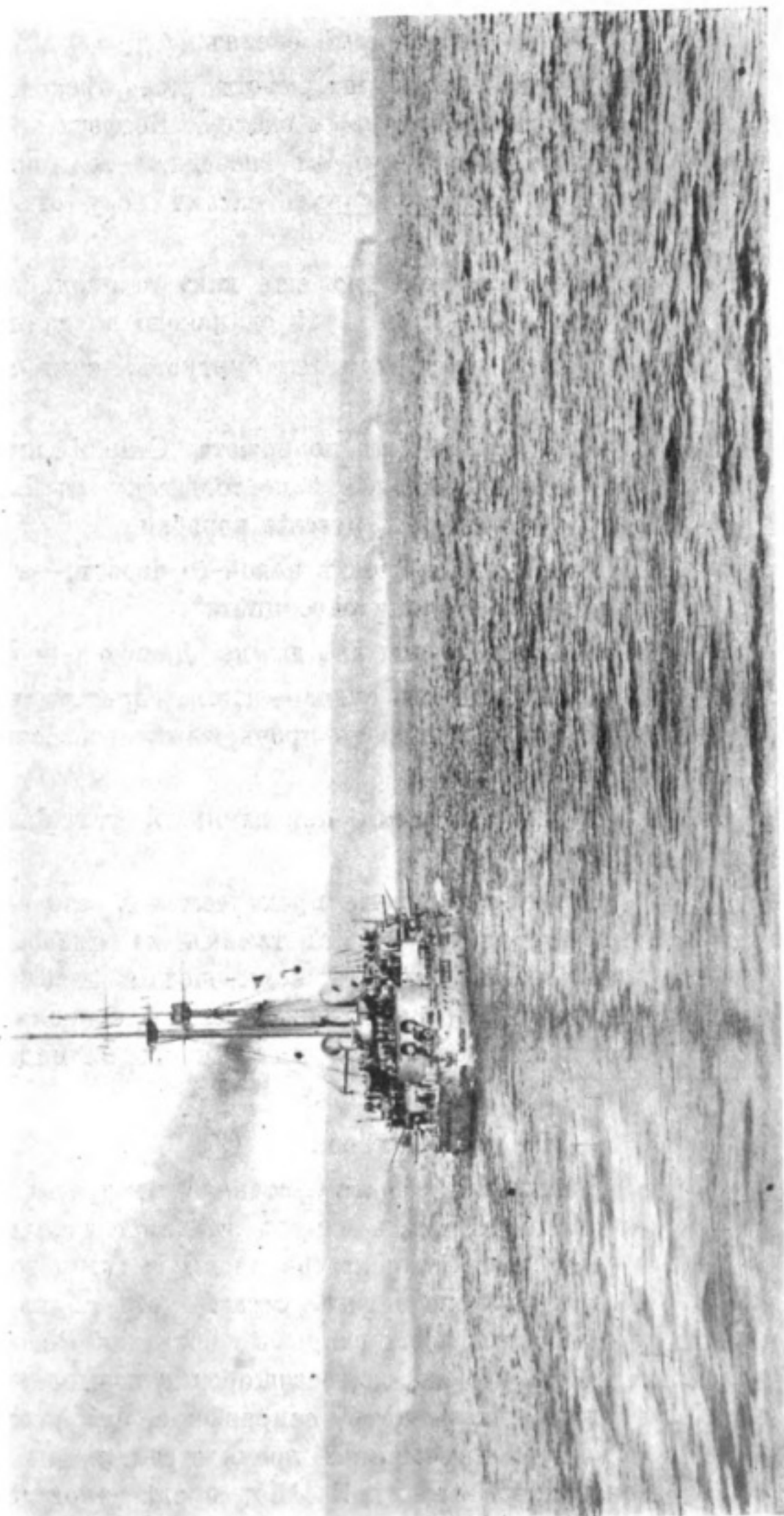
Эта простая фраза заставляетъ вздрогнуть. Въ самомъ дѣлѣ: мечта превратилась вдругъ въ дѣйствительность...

Въ бинокль прекрасно видны силуэты генуэзскихъ башенъ. Онѣ, какъ неподвижные стражи, стоятъ на азіатскомъ берегу, у самаго входа въ закрытые пока для Россіи проливы...

Тотъ, кто знаетъ, безошибочно называетъ имена турецкихъ фортовъ, указываетъ направленіе, гдѣ находится Кавакъ. Отсюда турки въ мирное время стрѣляли по всѣмъ судамъ, пытавшимся войти въ Босфоръ послѣ захода солнца.

Мѣстечко достопримѣчательное. Но всего этого сейчасъ не разглядишь,—слишкомъ далеко.

Непогода гудитъ и свиститъ.

15 марта 1915 года. Черноморскій флотъ въ 10¹/₂ ч. утра, подходитъ къ Босфору. идетъ въ авангардѣ, остальные суда видѣются на горизонтѣ. Огонь по форгамъ Босфора былъ открытъ въ 10 ч. 35 м. утра.

На волнахъ ныряютъ мусоръ, обломки дерева, какая-то посудица. Все вѣрные признаки обитаемости этого уголка моря.

Миноносцы обнаружили всплывшую мину и разстрѣляли ее..-“

По свѣдѣніямъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго великое событіе 15-го марта вылилось въ слѣдующей формѣ:

„15 марта Черноморскій флотъ бомбардировалъ внѣшніе форты и батареи Босфора на обоихъ берегахъ пролива. По наблюденіямъ съ судовъ и гидроаэроплановъ снаряды ложились хорошо. Наши летчики, летавшіе надъ батареями Босфора, производили развѣдку и успѣшно бросали бомбы. По летчикамъ былъ открытъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, оставшійся безрезультатнымъ. Пытавшіеся войти въ море изъ Босфора непріятельскіе миноносцы принуждены были нашимъ огнемъ возвратиться въ проливъ. Пытавшійся прорваться съ моря въ Босфоръ большой 4-хъ мачтовый непріятельскій пароходъ былъ нами разстрѣлянъ. Выбросившись на берегъ, онъ взорвался“.

На прилагаемыхъ фотографіяхъ сняты: 15 марта 1915 года Черноморскій флотъ подходитъ къ Босфору, идетъ въ авангардѣ. Остальныя суда виднѣются на горизонтѣ. Огонь на фортахъ Босфора былъ открытъ въ 10 час. 35 мин. утра. „Алмазъ“ вернувшійся съ развѣдки подъ Босфоромъ.

17 марта. Бои, происходившіе въ февралѣ подъ Праснышемъ, представляются по описаніямъ ¹⁾ въ слѣдующемъ видѣ:

Послѣдніе одиннадцать дней въ городѣ безъ перерыва шелъ уличный бой. Нѣмцы оказались и впереди Прасныша, и позади него, а наши—въ городѣ.

Въ городѣ, за рѣкою, у моста,—большая площадь, отъ которой потомъ во всѣ стороны вѣеромъ и расходятся улицы и переулки Прасныша. На этой площади, несомнѣнно, будетъ потомъ поставленъ памятникъ исключительному героизму нашихъ солдатъ. Бои шли смертные. Люди не знали ни отдыха, ни усталости. Не думали о спасеніи. Знали одно:

— Не дать нѣмцу зацѣпиться за Праснышъ. Выбить его изъ города и гнать дальше, на Млаву, а тамъ и въ Пруссію.

¹⁾ „Русское Слово“, 17 марта сего года.

Дрались съ утра до ночи. Дрались по ночамъ. Дрались во-кругъ города. Дрались въ городѣ: на площади, по всѣмъ ули-цамъ, въ домахъ. На задворкахъ домовъ. На чердакахъ и въ подвалахъ.

У рѣвки, за заборомъ, стоятъ три нѣмца. Въ каскахъ. Съ винтовками въ рукахъ. Цѣлятся. Цѣлятся, должно-быть, уже второй, а то и третій день. Они цѣлились въ нашихъ на мосту, а имъ другіе наши зашли сзади и дали залпъ въ затылокъ. Нѣмцы подались на заборъ да такъ и окостенѣли. Мертвые простояли два-три дня.

Пострадалъ Праснышъ за первый разъ, однако, не такъ сильно, какъ можно было бы думать. Бои внутри города шли болѣе рукопашные. Ломались двери, вышибались рамы, выби-вались стекла, но самыя зданія,—стѣны, полы, потолки,—оста-вались цѣлыми. Только при отступленіи уже нѣмцы, отходя, чтобы задержать русскихъ долѣе за собою, засыпали окраин-ную часть Прасныша, въ сторону къ Млавѣ, снарядами. Они здѣсь и натолкли порядкомъ. Нѣсколько улицъ было обращено въ развалины. вмѣсто домовъ, остались однѣ дымовыя трубы. Въ общемъ же городъ, въ смыслѣ сохранности зданій, уцѣ-лѣлъ. Уцѣлѣли и жители. Только они должны были прятаться во все время боевъ въ подвалахъ съ забитыми окнами.

Бились одиннадцать дней. Выгоняли нѣмцевъ за городъ. Подавались подъ натискомъ новыхъ и новыхъ нѣмецкихъ силъ назадъ, на свою площадь. Дрались за каждую улицу. За от-дѣльные дома. За комнаты въ домахъ. Таяли сами, но клали тысячами и нѣмцевъ.

Подошла подмога. Съ мыслью, что впереди свои, что они бьются тамъ вторую уже недѣлю въ нѣмецкомъ кулакѣ, что ихъ надо выручать.

Дорвались до нѣмцевъ и кинулись ураганомъ. Смяли, разметали по сторонамъ тѣхъ, что были на дорогѣ къ Праснышу, и черезъ мостъ—къ своимъ. Тѣ—громовое:

— Ура! Наши! Подмога!.. Круши нѣмца!

Туть и пошла главная бойня.

— Въ чистую выметали улицы,—говорили потомъ наши.— Всѣхъ нѣмцевъ выселили.

— А не живи безъ прописки въ чужомъ городѣ,—добавляли другіе.

Нѣмцы дрались также отчаянно. Мѣсто стоило имъ очень дорого, и отдавать дешево Праснышъ они не желали. Уходить и они мало уходили. Въ каждой улицѣ оставались большими десятками. За городомъ же, по дорогѣ къ Млавѣ, на открытомъ мѣстѣ, они на пятнадцать верстъ густо усѣяли землю своими трупами.

— Въѣдчивый народъ!—ворчали наши солдаты.— Прямо репейникъ. Не отдерешь, какъ прицѣпится.

Когда потомъ наши стали осматривать боковыя улицы Прасныша, которыя были заняты нѣмцами, то во многихъ домахъ, на чердакахъ, находили груды соломы. Брали солому въ руки,—мокрая. Нажимали крѣпче,—капала кровь. Это нѣмцы сносили сюда своихъ раненыхъ.

Прошло потомъ три-четыре дня, населеніе все выползло изъ подваловъ, и жизнь въ Праснышѣ, хотя и покалѣченная, наладилась.

Германская подводная лодка U 28 потопила пароходъ „Falaba“. По рассказамъ оставшихся въ живыхъ моряковъ изъ экипажа „Falaba“ и пассажировъ, германская подводная лодка все время ходила среди утопающихъ, а германскіе моряки прыгали и кри-

чали отъ радости, глядя на утопающихъ и слыша ихъ отчаянные крики о помощи. На „Falaba“ погибло 112 человекъ и въ томъ числѣ 54 пассажира.

18 марта. Передаютъ, что въ Краковѣ состоялся военный совѣтъ съ участіемъ эрцгерцоговъ Евгенія и Фридриха, начальника австрійскаго генеральнаго штаба Гетцендорфа, военнаго министра Кробатина, начальника штаба арміи Гинденбурга Лудендорфа и генерала Макензена. Рѣшеніе совѣта хранится въ тайнѣ.

Вѣроятно, будетъ начато новое австро-германское наступленіе на Галицію, и главнымъ образомъ отъ Кракова. Говорятъ, что на этомъ наступленіи настаивалъ передъ кайзеромъ Тисса. Онъ утверждалъ, что если Германія не поможетъ Австріи, то Австро-Венгрія заключить сепаратный миръ. По его словамъ, надо оградить во что бы то ни стало отъ Россіи посѣвы будущаго урожая въ венгерскихъ равнинахъ, составляющіе для Австро-Германіи главный источникъ питанія.

Сегодня объявленъ въ Петроградѣ приказъ главнокомандующаго о продажѣ мяса по таксѣ, объявляемой въ „Вѣдомостяхъ Петроградскаго Градоначальства“. Виновные въ неисполненіи приказа подвергаются штрафу до 3.000 рублей или заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости до 3 мѣсяцевъ. Нельзя не привѣтствовать этотъ прекрасный приказъ для обузданія грабителей.

18 марта. Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей рассказывалъ мнѣ, что при его недавнихъ поѣздкахъ по Россіи онъ видѣлъ во многихъ крестьянскихъ избахъ портреты любимца арміи и народа Радко-Дмитріева.

19 марта. Пора бы окончательно поправить, если не закрыть носителей нѣмецкаго засилья въ Петроградѣ Петеръ-шуде и Аненъ-шуде. Необходимо смѣнить директоровъ и специфически нѣмецкій персоналъ преподавателей. Этихъ преподавателей рассыропить въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и взамѣнъ ихъ назначить русскихъ. Лучше всего было бы прикрыть совсѣмъ эти источники нѣмецкой заразы.

Утверждаютъ достоверно, что за послѣднее время черезъ Болгарію и Румынію въ Турцію прошло 50 вагоновъ маузеровскихъ ружей, 36 крѣпостныхъ орудій большого калибра, 15 блиндированныхъ аэроплановъ, 50 вагоновъ снарядовъ для Дарданелльскихъ фортовъ и для „Гебена“. Моремъ изъ Румыніи черезъ Констанцу въ Константинополь везутся также боевые запасы. Изъ Турціи везется въ Австро-Германію хлѣбъ, а теперь, въ виду союзныхъ дѣйствій у Дарданелль, вывозится изъ турецкихъ банковъ германское золото.

20 марта. Наши раненые, попавшіе въ плѣнъ къ нѣмцамъ въ Сопоцкинѣ, семь дней лежали безъ перевязки, безъ ухода и пищи. Наши здоровые плѣнные употреблялись тутъ же на самыя тяжелыя работы. Съ нихъ нѣмцы сняли сапоги и теплую одежду, давъ взамѣнъ опорки и жалкіе лохмотья. Ихъ совершенно не кормили, всячески издѣвались надъ ними, держали ихъ въ хлѣвахъ и на открытомъ воздухѣ въ 15—20-ти градусные морозы. Нерѣдко ихъ запрягали вмѣсто лошадей въ обозныя повозки.

Передаютъ про ополченскія дружины, которыя, понюхавъ пороху, быстро освоились и теперь въ бою не уступаютъ часто кадровымъ войскамъ.

На-дняхъ рассказывалъ одинъ офицеръ о такой дружинѣ:

— Лѣзутъ впередъ насъ,—говорилъ онъ,—на позицію противника.

Спрашиваемъ: „Куда вы?“

— Мы пулеметъ рѣшили захватить,—отвѣчаютъ они и такъ рвутся впередъ. И представьте, захватили, и сравнительно съ очень небольшими потерями ¹⁾).

Вотъ интересная страничка изъ письма командира полка съ передовыхъ позицій ²⁾).

„Часто я, какъ командиръ полка, хожу по окопамъ, гдѣ находятся солдаты, или одинъ, или съ моимъ адъютантомъ. Иногда я останавливаюсь или присаживаюсь къ группѣ солдатъ и го-

¹⁾ „Русск. Сл.“, 20 марта сего года.

²⁾ „Нов. Вр.“, 21 марта с. г.

ворю съ ними объ ихъ домашнихъ очагахъ, объ ихъ нуждахъ, и попутно въ мягкой, но твердой, обстоятельной формѣ внушаю имъ мысли о величіи нашей родины Россіи, о необходимости всюду и всегда героически, т.-е. по-русски отражать жестокаго и упорнаго врага не въ интересахъ личнаго самолюбія или полученія награды—медали, георгіевскаго креста и т. д., но въ интересахъ будущей исторіи Россіи. Учю я моихъ ребятъ въ окопахъ правдѣ Христовой и самъ читаю имъ Евангеліе, не позволяя себѣ дѣлать никакихъ выводовъ, но напирая на то, чтобы то, чего не расскажешь въ посланіяхъ евангелистовъ, въ примѣненіи къ жизни моихъ солдатъ, путемъ чтенія, интонаціи, вни́дрялось въ ихъ души. Долженъ сказать, что мой опытъ чтенія солдатамъ Евангелія передъ боемъ и въ мирное время съ самыми легкими поясненіями и освѣщеніями текста оказался морально весьма полезнымъ, и солдаты совершенно искренно меня благодарятъ.

Благодаря ли Евангелію или уже выработавшемуся у меня въ теченіе 35 лѣтъ службы моему методу обращенія съ солдатами у меня съ ними тѣсное духовное общеніе, и я видѣлъ, какъ они по одному моему движенію, не колеблясь, шли въ тѣ опасныя мѣста, куда я ихъ велъ. Эти опасныя мѣста для австрійцевъ, а, должно быть, и для германцевъ, были бы предметомъ героическихъ народныхъ разсказовъ, эпическихъ поэмъ и горячихъ стихотвореній восторженныхъ рацсодовъ, ну, а у насъ это очень просто:

— Пошли... Остановились... Были обсыпаны жестокимъ огнемъ непріятели... Заняли ихъ позиціи... Окопались.

Это все такъ просто.

Конечно, мы, русскіе офицеры и солдаты, твердо проникнуты сознаниемъ, что мы никакихъ воинскихъ подвиговъ въ бою не производимъ. Мы не герои, а профессионалы, взявшіе на себя задачу оборонять Россію отъ врага во имя долга и нашихъ сыновнихъ чувствъ къ родинѣ, и мы къ этому дѣлу готовились всю нашу жизнь. Есть, конечно, положенія весьма исключительныя, когда высота душевнаго порыва, сообразительности, находчивости и личнаго мужества переходятъ за норму,— ну, тогда такихъ смѣльчаковъ и героев смѣло отмѣчайте георгіевскими орденами, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше для патріотизма и силы духа страны“.

21 марта. Корреспондентъ „Русскаго Слова“ Маринъ ¹⁾ такъ прекрасно описываетъ бомбардировку Босфора 15 марта:

„15-го марта, въ 10 час. 30 мин. утра, съ судовъ русской эскадры грянулъ первый залпъ по укрѣпленіямъ Босфора. Черезъ нѣсколько секундъ русскіе снаряды разорвались надъ фортомъ Эльмасъ-Табія. Одинъ за другимъ раздалось нѣсколько взрывовъ. Черноморскій флотъ началъ работу надъ осуществленіемъ завѣтной мечты Россіи.

Когда эскадра вышла въ очередной походъ, для всѣхъ моряковъ, находившихся въ ней, было ясно, куда направляетъ ихъ на этотъ разъ рука вождя: курсъ лежалъ прямо на Босфоръ.

Вербную субботу провели въ открытомъ морѣ.

Наканунъ бомбардировки Босфора въ судовой церкви служили всенощную. Всѣ моряки запаслись настоящими вербочками.

7 часовъ утра... Тепло... Море гладкое, спокойное...

На совершенно безоблачномъ небѣ поднимается солнце. День обѣщаетъ быть идеальнымъ.

Впереди рисуются очертанія турецкихъ береговъ.

Босфоръ близко... Можно узнать горы Малъ-Тепеси, Два Брата, Остроконечный Исполивъ.

Вскорѣ открывается узкій входъ въ проливъ.

Тамъ дымитъ турецкій доворный миноносецъ. Онъ идетъ въ Царьградъ возвѣстить о появленіи русской эскадры.

Миноносецъ держится внѣ обстрѣла, наблюдая за нами, еловно танцуетъ передъ эскадрой.

Отъ Кавака въ проливъ полнымъ ходомъ удираетъ паровое судно...

Турки уже подняли тревогу.

Русскіе корабли спокойно идутъ намѣченнымъ курсомъ ближе къ берегу.

Вотъ уже можно безъ бинокля рассмотреть маяки Азіи, Европы... Блѣютъ домики, селенія.

Воздухъ удивительно прозраченъ...

Сзади русскихъ кораблей слышится мощный грохотъ... Одинъ за другимъ надъ русской эскадрой проносятся наши гидроаэропланы... Первые русскія ласточки летятъ на Царьградъ.

¹⁾ „Русск. Сл.“, 21 марта с. г.

Турки еще молчатъ, наблюдая эту величественную картину. Вотъ, наконецъ, видъ на Босфоръ открывается далеко, вплоть до Терапіи. Отчетливо видны зданія.

Гидроаэропланы достигли берега. Летятъ очень низко. Невольно возникаетъ опасеніе за ихъ судьбу.

Турки соблазнились: войска и форты открыли по летчикамъ отчаянную пальбу... Весь берегъ гремитъ выстрѣлами. Въ воздухѣ поплыли дымки шрапнелей.

Однако, летчики невредимы и смѣло продолжаютъ свой путь.

Вотъ передовой повернулъ уже обратно. Онъ успѣлъ пролетѣть весь проливъ и снѣшить первымъ съ донесеніемъ о томъ, что ни въ проливѣ, ни въ Золотомъ Рогѣ крупныхъ судовъ нѣтъ.

Летчики кружатся надъ батареями Босфора, сбрасываютъ свои бомбы.

Въ это время, однако, вниманіе отвлекается происходящимъ на морѣ.

Подъ азіатскимъ берегомъ, около Ривы, замѣченъ колоссальный турецкій пароходъ, который старается прорваться въ Босфоръ, скрываясь въ тѣни береговыхъ горъ.

Одно изъ нашихъ судовъ получаетъ приказъ уничтожить „турка“.

Послѣ перваго же залпа турки спустили лодку. На пароходѣ начался пожаръ. Измѣнивъ курсъ, онъ пошелъ прямо къ берегу, остановился, видимо, сѣлъ на камни и весь опоясался огнемъ русской эскадры.

Вотъ донесся грохотъ ужаснаго взрыва.

Пароходъ утратилъ свои контуры.

Однако, на него уже никто не смотритъ, такъ какъ головной корабль русской эскадры началъ бомбардировать Эльмасъ.

Разстояніе до берега меньше, чѣмъ на выстрѣлъ полевого орудія. Отчетливо видны попаданія русскихъ снарядовъ.

Огонь русской эскадры переходитъ на фортъ Анадоли-Фенери. Туда же сбрасываютъ свои бомбы гидроаэропланы.

Затѣмъ бомбардировка переносится на европейскій берегъ. Русская эскадра громитъ фортъ Румели-Папасъ, батареи мысовъ Фенераки и нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ укрѣпленій.

Послѣ одного особенно удачнаго залпа надъ фортами Папаса поднялся столбъ пламени, и грохотъ взрыва потрясъ воды Босфора.

Почти одновременно раздался второй сильный взрывъ...

Форту Папасу, видимо, причинены значительныя поврежденія, если только онъ вообще уцѣлѣлъ.

Наши летчики засвидѣтельствовали успѣшность бомбардировки, которая, повидимому, явилась для турокъ полной неожиданностью.

Летчики отмѣчаютъ также большую панику среди защитниковъ Босфора. При каждомъ взрывѣ солдаты разбѣгались и прятались.

Одинъ летчикъ бросилъ бомбу въ группу солдатъ, занимавшихся обстрѣломъ гидроаэроплановъ. Бомба разорвалась среди солдатъ. Это произвело на турокъ громадное впечатлѣніе. Послѣ этого при приближеніи гидроаэроплана солдаты всякій разъ прятались.

Несмотря на отчаянную пальбу, всѣ летчики благополучно долетали до Золотого Рога. Здѣсь передъ ними открывалась волшебная панорама Царьграда съ сотнями мечетей, освѣщенныхъ солнцемъ.

Легко себѣ представить панику, возникшую на улицахъ оттоманской столицы при появленіи воздушнаго врага.

Летчики признаются, что великъ былъ соблазнъ полетать надъ Царьградомъ. Но, имѣя опредѣленное серьезное порученіе, они должны были вернуться обратно.

Со столь незначительной высоты, на которой держались наши летчики, имъ была видна вся жизнь на Босфорѣ.

Они вернулись невредимыми. Невредимы остались и аппараты.

16-го марта, въ 9 часовъ утра, русская эскадра снова появилась передъ Босфоромъ.

Погода испортилась. Стояла густая мгла. Очертанія береговъ слились въ неопредѣленный сѣрый фонъ. Ориентироваться было невозможно.

Турки, однако, замѣтили дымъ нашихъ кораблей и сдѣлали нѣсколько залповъ, оставшихся безрезультатными. Русская эскадра не отвѣчала. Производить какія-либо операціи было невозможно.

Пользуясь мглой, нашу эскадру пытались атаковать турецкіе миноносцы типа „Милетъ“.

Наши суда приняли бой, но послѣ первыхъ же выстрѣловъ миноносцы, развивая громадную скорость, скрылись въ направленіи Босфора.

22 марта. Нашъ извѣстный путешественникъ по средней Азіи полковникъ Козловъ, только-что прибывшій изъ Галиціи, въ Пасхальную заутреню передавалъ мнѣ рассказы офицеровъ гарнизона Перемышля.

Всѣ они утверждали, что причиной сдачи Перемышля было громадное количество войскъ, не соотвѣтствующихъ имѣвшимся въ крѣпости жизненнымъ припасамъ. И на вопросъ, почему же это произошло австрійцы отвѣчали: это произошло потому, что мы были окружены войсками Радко-Дмитріева.

Онъ показалъ намъ себя подъ Городкомъ и на Санѣ. Онъ былъ хозяиномъ положенія и онъ блестяще завершилъ наши окруженія въ томъ составѣ, въ какомъ мы тогда были.

По другимъ источникамъ, по австрійскимъ войскамъ подъ Перемышлемъ ходили рассказы, что Радко-Дмитріевъ объѣжалъ ночью линіи русскихъ укрѣпленій на бѣлой лошади.

Вчера на Черномъ морѣ у крымскаго побережья нашъ флотъ имѣлъ перестрѣлку съ дальняго разстоянія съ крейсерами „Гебенъ“ и „Бреслау“ и преслѣдовалъ ихъ до темноты. Ночью наши миноносцы нашли и атаковали турецкіе крейсера въ 100 миляхъ отъ Босфора, при чемъ послѣдніе развили энергичный огонь и уклонились отъ атаки.

Въ Черномъ морѣ вчера вечеромъ, въ Одесскомъ заливѣ вворвался на нашей минѣ и затонулъ турецкій крейсеръ „Меджидіе“.

Французы и бельгійцы стоятъ за то, чтобы Палестина была подарена доблестному бельгійскому народу и его королю: во-первыхъ, какъ награда за геройское поведеніе въ этой войнѣ, во вторыхъ, какъ историческое наслѣдіе, принимая во вниманіе, что первый король Іерусалима въ эпоху крестовыхъ походовъ былъ бельгіецъ, Готфридъ Бульонскій.

Разсказывали, что въ одномъ изъ боевъ наша батарея выѣхала на позицію для поддержки нашей атакующей пѣхоты. Въ это время впереди были замѣчены оставленные 6 нѣмецкихъ орудій. Два смѣльчака офицера съ 6-ю передками помчались, отчасти пользуясь рощицей въ передовыя цѣпи и не взирая на сильный орудійный и ружейный огонь германцевъ привезли къ намъ шесть цѣлехонькихъ германскихъ орудій.

23—31 марта. Рассказываютъ, что во время летаній по фронтамъ германскихъ армій кровавый кайзеръ очень боится непріятельскихъ аэроплановъ. Во время прогулокъ Вильгельмъ внимательно осматриваетъ небо, и появляющіяся внезапно птицы пугаютъ его, такъ какъ онъ постоянно ожидаетъ нападенія непріятельскихъ летчиковъ.

Въ „Petit Parisien“ помѣщенъ отзывъ солдата нѣмецкаго ландвера о русскихъ войскахъ: „ихъ артиллеристы отлично стрѣляютъ, изъ двадцати снарядовъ въ насъ попадаетъ шестнадцать. Русская пѣхота не хуже нашей, ихъ никакъ не выбьешь. Особенно стойки и страшны сибиряки. Послѣ битвы подъ Тарновымъ изъ 52 тысячъ человекъ у насъ не осталось и 15-ти тысячъ. Гинденбургъ плакалъ, увидя возвратившіеся остатки нашего корпуса, и сказалъ, что больше не будетъ повергать Силезскія войска въ подобныя боины. Къ сожалѣнію, онъ не сдержалъ слова. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя намъ пришлось идти на Варшаву и подъ Новородомскомъ вся наша армія была бы взята въ плѣнъ, если бы не присутствіе духа нашихъ офицеровъ, которые ночью объявили: спасайся, кто можетъ. Изъ нашего полка при этомъ спаслись лишь 57 человекъ, остальные же взяты въ плѣнъ или погибли на полѣ битвы“.

Корреспонденція съ боевыхъ полей ¹⁾ описываетъ, при какой необычайной обстановкѣ тамъ происходило чтеніе 12 Евангелій. Богослуженіе происходило на открытомъ полѣ, за пригоркомъ, вблизи штаба полка у походной церкви, при громадномъ стеченіи войскъ:

„Служба уже началась. Въ то время, когда мы подходили, одинъ изъ солдатъ раздавалъ свѣчи, и когда разнеслись слова перваго евангелія, у всѣхъ въ рукахъ уже засвѣтились огоньки восковыхъ свѣчекъ, быстро горящихъ при слабомъ дуновеніи весенняго вѣтерка. Ровно и спокойно разносился подъ открытымъ небомъ голосъ священника, возвѣщавшаго въ такой необычной обстановкѣ святыя слова... Далеко вдаль, вѣроятно, доносясь къ вражескимъ окопамъ, несло стройное и мощное пѣніе солдатскаго хора...“

Было что-то исключительно таинственное въ этомъ собраніи

¹⁾ „Нов. Вр.“. 28 марта с. г.

огоньковъ, расходящихся отъ стола съ евангеліемъ во всѣ стороны далеко вглубь лѣса, въ этомъ мирномъ, спокойномъ голосѣ священника, повѣствующемъ исторію величайшихъ Страстей именно здѣсь въ этой обстановкѣ.

Мнѣ казалось, что всѣ тѣ слова, которыя въ обычной мирной обстановкѣ мы привыкли воспринимать съ почтительнымъ уваженіемъ, пріобрѣтаютъ здѣсь характеръ, необычайно близкій каждому отдѣльному существу, какъ будто бы все относится къ каждому изъ присутствующихъ, въ любой моментъ готовыхъ на величайшую жертву во имя идеи.

Вотъ почему, взглядываясь въ лица сосредоточенно склонившихся надъ свѣчами солдатъ, я не могъ ошибиться, улавливая на нихъ отраженіе величайшаго волненія и подъема духа особенно въ нѣкоторыхъ наиболѣе трагическихъ мѣстахъ Святой исторіи...

„Помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ...“ и въ сѣрой массѣ движеніе, и въ молитвенномъ порывѣ она становится на колѣни, такъ непосредственно молясь о томъ, что можетъ быть случится завтра или даже сегодня...

Евангеліе за евангеліемъ незамѣтно проходятъ въ этой обстановкѣ громаднаго вниманія и сосредоточенія. И въ этотъ моментъ сильнаго отвлеченія отъ дѣйствительности мы не замѣчаемъ, какъ отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы орудій мало-помалу становятся все чаще и чаще, растутъ, захватывая фланги, и превращаются въ непрерывный гулъ.

„Разбойниковъ“ поютъ уже подъ этотъ совершенно чуждый святымъ словамъ гулъ. Видно, какъ утираются слезы на морщинистыхъ лицахъ солдатъ и какъ въ темнотѣ и тишинѣ, прерываемой пѣніемъ и голосомъ священника, кое-гдѣ раздаются всхлипыванія...

И эта служба, которая казалась въ началѣ такой странной, стоящей совершенно внѣ нашихъ представленій, въ концѣ концовъ такъ пріучила насъ къ себѣ, что мы расходились съ такимъ же спокойнымъ настроеніемъ, какъ въ былые годы у себя дома... и старались донести до „дому“ зажженные свѣчки.

Темный лѣсъ наполнился расходящимися во всѣ стороны огоньками, и удивительная тишина воздуха дала возможность протянуться этимъ безконечнымъ свѣтовымъ лентамъ черезъ весь лѣсъ. И, уходя, я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ солдатъ зажигали отъ этихъ свѣчей костры у землянокъ, готовясь ужинать.

Распоряженіемъ властей ¹⁾ уволенъ отъ должности и высланъ на все время войны изъ Прибалтійскаго края старшина всѣхъ пасторовъ Вейсенштейнскаго уѣзда пасторъ Раль.

Обзоръ военныхъ дѣйствій за вторую половину марта приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Нами взяты Мемель, а германцы бомбардировали Либаву. Къ западу отъ Нѣмана мы вели встрѣчные успѣшные бои, при чемъ уничтожили совершенно одинъ германскій баталіонъ у Лодзее и конница произвела лихую атаку между Маріамполемъ и Кальваріей. Къ концу мѣсяца мы отгѣснили германцевъ на укрѣпленную позицію восточнѣе Пильвишекъ, Маріамполя, Кальварія, Августова и Сувалки.

На правомъ берегу Нарева вели встрѣчные, удачные, бои по рѣкѣ Шквѣ, Омулеву и у Ваха.

Полная удача сопутствовала нашему наступленію на Карпатахъ. Сначала на линіи Бартфельдъ—Мункачъ нашъ фронтъ продвинулся на 35 верстъ. У Горлице и Бартфельда и Козювки контръ-атаки непріятеля были безуспѣшны. Затѣмъ мы продвинулись у Развадова и Яворжека. Овладели вновь позиціями у Бартфельда и Ужока, Воли Миховой, Лутовиска, опять отбили контръ-атаки у Мезо Лаборча и Козювки. Опять продвинулись у Мезо Лаборча и Ужока. У Ростока перешли черезъ главный хребетъ Карпатъ и заняли его южные склоны. Затѣмъ заняли главный Карпатскій хребетъ на протяженіи 110 верстъ передъ фронтомъ нашего наступленія. Во время этихъ операцій нами взято въ плѣнъ 330 офицеровъ и 33.250 нижнихъ чиновъ. Встревоженный этими успѣхами противникъ сосредоточиваетъ значительныя силы подъ конецъ мѣсяца и начинаетъ отбивать наши атаки у Ростока, Стрыя, Козювки. Противникъ произвелъ набѣгъ на Хотинъ, и отрядъ его былъ уничтоженъ.

Были успѣшные для насъ бои въ Буковинѣ и Черновицѣ и у Залещиковъ.

Черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулакъ, Козлу и Эрегли.

Придется отмѣтить позорное Мясоѣдовское дѣяніе, окончившееся повѣшеніемъ этого негодяя. Вспоминается намъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ господинъ за указанія въ

¹⁾ „Рус. Сл.“, 29 марта с. г.

подобныхъ дѣяніяхъ вызвалъ на дуэль А. И. Гучкова и держалъ голову этого высокодаровитаго общественнаго дѣятеля на мушкѣ пистолета нѣсколько минутъ, а затѣмъ промахнулся. Послѣ этого промаха Гучковъ выстрѣлилъ на воздухъ и уѣхалъ съ мѣста дуэли, не подавъ Мясоѣдову руки.

Къ этой книгѣ приложенъ портретъ вице-адмирала А. И. Русина, начальника морского генеральнаго штаба. Онъ родился въ 1861 году, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, который окончилъ въ 1886 году, послѣ чего до 1889 года плавалъ на разныхъ судахъ. Въ 1899 году былъ назначенъ русскимъ морскимъ агентомъ въ Японіи, гдѣ пробылъ до войны съ Японіей, при чемъ крайне обстоятельно и своевременно доносилъ о всемъ, что происходило въ японскихъ арміи и флотѣ и въ своихъ донесеніяхъ даже предугадалъ планъ войны японцевъ на морѣ. Во время войны имѣлъ на Дальнемъ Востоцкѣ многія отвѣтственныя должности, командовалъ, уже въ чинѣ капитана I-го ранга, послѣ войны, броненосцемъ „Слава“, затѣмъ занялъ мѣсто исправляющаго обязанности помощника начальника главнаго морского штаба, былъ 6 лѣтъ директоромъ морского кадетскаго корпуса, начальникомъ главнаго морского штаба и на настоящую должность назначенъ 17-го апрѣля 1914 года.

Заканчиваемъ наши замѣтки за мартъ описаніемъ одного изъ позорныхъ дѣяній германскихъ офицеровъ ¹⁾).

— Въ ночь на 16-е марта,—разсказываетъ Панасюкъ,— въ деревню Н. въѣхалъ непріятельскій отрядъ въ числѣ двухъ солдатъ и офицера. Попавшись имъ, я услышалъ вопросъ: „Ты кто“? Я немного знаю по-польски и отвѣчалъ: „Мѣстный“. Я знаю, что нѣмцы стараются усиленно охранять телефонъ, и сказалъ, что стою на охранѣ телефона. Офицеръ выругался.

— Почему же ты его не охраняешь?—спросилъ офицеръ.— Телефонъ находится за лѣсомъ, а ты находишься здѣсь. Пошелъ на мѣсто.

Онъ приказалъ меня отвести на постъ. Какъ только меня оставили охранять телефонъ, я его немедленно порвалъ и сталъ уходить. Встрѣтился мнѣ другой разъѣздъ, который отнесся не такъ снисходительно, какъ первый. Я былъ препровожденъ въ

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“, 21 марта с. г.

штабъ 7-го полка, въ Росогѣ. На допросѣ во мнѣ опознали русскаго солдата, и подъ угрозой повѣшенія потребовали сообщенія секретныхъ свѣдѣній. Когда я отказался, меня стали соблазнять деньгами и предлагали перейти служить къ нимъ. Когда и это не удалось, то стали грозить пыткой.

— Мы повѣсимъ тебя за ноги и будемъ такъ держать цѣлую недѣлю, тогда запоешь.

— Не запою.

— Отвести его,—приказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Меня стали выпроваживать,—продолжаетъ Панасюкъ,—но одинъ офицеръ приказалъ остановиться, досталъ хирургическія ножницы, отрѣзалъ мочку уха и злорадно спросилъ:

— Ну, а теперь будешь говорить?— Я молчалъ. Тогда онъ отрѣзалъ еще кусочекъ уха. Я все молчалъ, тогда въ третій разъ онъ отрѣзалъ еще кусочекъ уха. Кровь полилась за шею.

— Отвести его,—приказалъ офицеръ.

— Меня вывели. Только меня вывели, какъ офицеръ изъ штаба кого-то окликнулъ. Конвойные стали его слушать. Я воспользовался этимъ и побѣгъ черезъ заборы по деревнѣ дальше, дальше, упалъ въ яму, и пролежалъ тамъ нѣсколько часовъ, пока не прекратились поиски. Затѣмъ я побѣгъ дальше. Всю дорогу я шелъ окольнымъ путемъ и только ночью, а днемъ пролеживалъ въ стогахъ сѣна и другихъ укромныхъ мѣстахъ. Такъ и добрался.

Панасюкъ—уроженецъ Тургайской области. Ему 27 лѣтъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ рукопашныхъ бояхъ. Хотя онъ освобожденъ теперь, но рѣшилъ проситься опять на службу.

В. П.

